

Ду Сылинь слегка прищурилась, внимательно и глубоко вглядываясь в глаза Сяо Цинчжу.

— Да, — кивнула Сяо Цинчжу, не отрицая этого.

— Ты должна понимать, что поминальная табличка — это ключ к покою и перерождению души, — голос Ду Сылинь внезапно стал острым, она в упор уставилась на Сяо Цинчжу.

Для неё упокоение того призрака было пустяковым делом, но без таблички душа останется неприкаянной, будет вечно скитаться по миру, не зная перерождения. Такого она допустить не могла.

— Эх, — вздохнула Сяо Цинчжу. — Сылинь, я понимаю, что ты хочешь сказать. Ты, должно быть, думаешь, что я забочусь только о Сяо Ци и мне нет дела до того призрака. Я не люблю оправдываться, но, пожалуйста, поверь: подлых и нечестивых дел я, Сяо Цинчжу, не совершаю. Вот адрес, сходи туда, посмотри, а потом уже делай выводы.

Она положила клочок бумаги на кровать Ду Сылинь. Та смотрела, как взгляд Сяо Цинчжу потускнел.

— Береги себя. Спасибо тебе, — проговорила Сяо Цинчжу, подхватила сумку и, развернувшись, ушла.

Ду Сылинь стояла неподвижно, глядя, как силуэт Сяо Цинчжу растворяется вдаль. Она не стала её догонять и не пыталась ничего объяснить.

Прошло немало времени, прежде чем в комнату вприпрыжку влетела Цзинцзе и хлопнула Ду Сылинь по плечу, заставив ту едва не среагировать на рефлексх.

— Я просто хотела прервать твои раздумья, не будь такой суровой, — кокетливо надула губки Цзинцзе и обиженно высунула язык.

Ду Сылинь лишь бросила на неё взгляд и кинула ей кусок нефрита.

— Что это? Мне? — Цзинцзе поймала камень, вертя его в руках и не в силах оторвать глаз.

— Кукла, — едва приподняв веки, сухо бросила Ду Сылинь.

— Кукла?! — Цзинцзе с недоверием посмотрела на неё, а затем снова принялась внимательно изучать гладкий округлый камень, не находя в нём ни малейшего сходства с человеческой фигурой. — Разве кукла не должна быть из бумаги? Ну, в форме человечка? — она принялась жестикулировать.

— То обычные куклы, — вошедшая Фанфэн услышала недоумение Цзинцзе и с улыбкой пояснила: — Куклы, созданные Тайгуан, не бывают заурядными.

Разве она сама не была лучшим тому доказательством?

— Чжисин —! — стоило Фанфэн это сказать, как Цзинцзе поняла, какую глупость сморозила. Высунув язык, она выскочила за дверь и закричала вниз.

Чжисин вскоре приплыл наверх, и Фанфэн научила его вселяться в куклу. Вскоре его тело перестало быть призрачно-зыбким и обрело плотность. Слушая наставления Фанфэн, он всем сердцем прочувствовал эту новую оболочку, и нефрит начал менять форму, подстраиваясь под тело Чжисина.

— Я пройдусь, Фанфэн, — Ду Сылинь слегка наклонилась, двумя пальцами подцепила лежащую на кровати бумажку, мельком взглянула на неё и вышла из комнаты.

Она по-прежнему была многословна только с Фанфэн — привычка, выработанная годами. Даже если рядом была Цзинцзе, возлюбленная Фанфэн, это ничего не меняло.

— Фанфэн, Тайгуан всегда такая холодная? Или это из-за меня она расстроилась? — спросила Цзинцзе, глядя на Фанфэн широко распахнутыми глазами.

— Тайгуан не любит разговаривать. Это не из-за тебя, не бери в голову, — Фанфэн ласково погладила её по волосам. — Чжисину ещё нужно время, посидим здесь и подождём.

— Угу, — кивнула Цзинцзе. — Но почему кто-то может не любить говорить? Фанфэн тоже не болтлива, но не до такой же степени.

Цзинцзе недовольно надула губки — в этот момент в ней не осталось ни следа величия Девятицветной пестрой змеи.

— Это потому, что я с тобой, глупышка, — с обожанием сказала Фанфэн. — С другими людьми я порой говорю ещё меньше, чем Тайгуан.

— Правда? — Цзинцзе улыбнулась, явно довольная этим ответом.

— Раз говоришь правда, значит, так оно и есть, — тоже улыбнулась Фанфэн. Такие дни казались ей самыми счастливыми за все сотни лет, что она прожила.

На улице стоял зной. Ду Сылинь в белых одеждах выглядела прохладной и отстранённой. Она всё думала о словах Сяо Цинчжу: я не совершаю подлых дел.

Сжимая в руке тонкий, как крыло цикады, листок бумаги, Ду Сылинь бесцельно бродила по городу и сама не заметила, как оказалась у бизнес-центра Цзянью. Раз уж пришла, она завернула в ту самую кофейню, где была в прошлый раз, и снова заказала стакан свежего молока.

Она внимательно всмотрелась в записку. Почерк Сяо Цинчжу был прекрасен, каждая черточка выведена четко и уверенно. Как говорится, почерк отражает сердце — по этим простым строкам было ясно, что душа у Сяо Цинчжу светлая и открытая.

Уезд Фэнци, деревня Цяньцзян, дом девяносто три.

Сходить посмотреть не помешает, подумала про себя Ду Сылинь.

От города до деревни Цяньцзян в уезде Фэнци автобус 217-го маршрута шел около получаса. Ду Сылинь шла по деревне, сверяясь с номерами на домах. Дворы здесь располагались далеко друг от друга, порой приходилось долго идти, прежде чем встретишь хоть какое-то жилье.

Ду Сылинь не знала, почему Сяо Цинчжу дала ей адрес под номером девяносто три, поэтому решила не идти туда сразу, а сначала найти тот самый храм с поминальными табличками, о котором ходили слухи, что он проклят.

В воздухе вился легкий дымок благовоний, на первый взгляд всё казалось мирным. Ду Сылинь шагнула в храм и тут же ощутила, как по ней скользнул едва уловимый взгляд. Она усмехнулась, завела руки за спину и позволила этому сканированию продолжаться.

Сейчас был самый полдень, время расцвета янской энергии — призраки не осмелились бы вести себя так дерзко. Оставался лишь один вариант: в храме был не призрак, а демон.

— Верни мне поминальную табличку Ци Цзыци, убирайся отсюда и впредь прилежно совершенствуйся, тогда я тебя не трону, — холодно произнесла Ду Сылинь.

Ответа не последовало. Ду Сылинь глубоко вдохнула, сложила пальцы в сложную мудру, и её глаза озарились золотым светом. Она обвела взглядом пространство, выискивая демона. Внезапно она чуть подалась в сторону, и мимо неё пролетела капля черной жидкости, упав на землю с шипением и белым дымом — пол в том месте оказался разъеден.

— Паук-демон, триста лет, я права? — Ду Сылинь бросила взгляд на яд, всё поняв.

— Ну и что, если права? А если нет? — огромный паук замер под самым потолком, восемь его глаз, отливающих желтизной, уставились на Ду Сылинь.

— Ничего, — Ду Сылинь даже не посмотрела на него, продолжая осматриваться. — Я не повторяю дважды.

— Слишком высокомерна! — рявкнул паук, извергая из пасти едкий газ, сравнимый с концентрированной серной кислотой. — И какого же даоса ты на этот раз наняла?!

Ему было едва за триста, в мире демонов он был на самом дне пищевой цепочки. Он слышал о семье Ду, потомственных мастерах инь-ян, но не более того, а про Око Небесного Колеса он и вовсе не знал. Паук-демон не шел ни в какое сравнение с Девятицветной пестрой змеей.

— Шумная тварь, — бесстрастно отозвалась Ду Сылинь. Её пальцы сплетались в мудры всё быстрее, словно распускающийся лотос или извивающийся дракон. Она прошептала: — Лин, Бин, Доу, Чжэ, Цзе, Лун, Цзай, Цянь!

В тот же миг её золотая духовная энергия превратилась в гигантского дракона, который с громовым рыком завис над её головой, уставившись огромными глазами на паука.

— Божественный дракон, покарай зло! — закончив последнюю мудру, Ду Сылинь слегка подалась вперед и указала пальцем на демона.

— А-а-а! — рев дракона, подобный разливу Хуанхэ, сотряс воздух. Мощное тело дракона пронзило паука насквозь. У того даже не было времени на сопротивление.

— Род драконов... Ты... — в восьми глазах паука застыло неверие. Он не мог поверить, что встретил легендарного дракона в таком месте.

— Семнадцатая наследница семьи Ду, Тайгуан, — стоило ей произнести эти слова, как тело паука беззвучно рассыпалось в прах. В храме заплескали мириады молочно-белых искр. Это были души, чью жизненную энергию поглотил демон. Теперь они стали лишь сгустками энергии, без сознания и без цели.

Табличка Ци Цзыци тоже была здесь, но поскольку та уже переродилась, табличка была лишь памятным знаком для Сяо Цинчжу и не пострадала.

— Жизнь — словно сон. Надеюсь, вы не попадете в ад, — Ду Сылинь достала из кармана маленький электронный буддийский плеер и положила его в центре храма.

Звуки молитвы заполнили пространство, белые огоньки, мягко мерцая, поплыли под сводами храма. Ду Сылинь в белых одеждах выглядела неземной, она держала табличку Ци Цзыци и шла, словно ступая по облакам.

Дом девяносто три. Самый обыкновенный дом.

Ду Сылинь долго стояла у ворот под палящим солнцем, нахмурившись. От дома веяло таким спокойствием, что не чувствовалось ни капли призрачной энергии. Зачем Сяо Цинчжу позвала её сюда?

— Ты ведь Ду Сылинь? — из дома вышла старушка и, увидев стоящую на возвышении девушку, приветливо улыбнулась.

— Тайгуан, — ответила Ду Сылинь. Ей было крайне непривычно, когда её называли по имени.

— Заходи, присядь, — радушно пригласила старушка.

Ду Сылинь помедлила, но всё же спустилась по ступеням. Старушка была ей по плечо, поэтому, разговаривая, ей приходилось слегка задирать голову.

— Ох уж эта Цинчжу, прислала гостя и даже не предупредила, — ворчала старушка, расставляя стулья.

— Цинчжу? — Ду Сылинь догадалась, что между ними есть родственная связь.

— Да, Цинчжу — моя внучка. Она тебе не сказала? — старушка вытерла руки о передник и улыбнулась.

— Нет, — ответила Ду Сылинь, оглядывая дом. На балке стояла статуэтка Будды, курились благовония — старушка явно была верующей.

— Поминальная табличка Ци Цзыци, — Ду Сылинь положила находку на стол.

— Ты... — старушка замерла, не ожидая, что всё уже решено.

— Что-то ещё? — Ду Сылинь не стала обращать внимания на её замешательство.

Она понимала: эта табличка была проверкой, старушка хотела узнать, действительно ли у девушки есть способности. Деревенский храм был старым, после того как там завелся паук, жители построили новый в другом, более удачном месте, и старый постепенно забросили. Ду Сылинь терпеть не могла, когда её проверяли с таким недоверием.

— Я знаю, ты сердишься из-за моей проверки, — старушка была женщиной умной и,

поразмыслив, поняла её недовольство. Она села рядом и тихо добавила: — Но я не хотела, чтобы ты погибла зря.

Ду Сылинь промолчала, лишь уголок её губ дернулся в ироничной усмешке.

— Раз ты смогла вернуть табличку Сяо Ци, значит, то существо в храме уничтожено, — сказала старушка. Она не знала, что это был паук, но была уверена, что там скрывалось зло. — У меня есть к тебе просьба.

— Говори, — Ду Сылинь взглянула на неё. Действительно, эти прекрасные глаза Сяо Цинчжу унаследовала от бабушки, даже взгляд был похож.

— Ты знаешь, что Цинчжу притягивает призраков? — спросила старушка.

— Знаю, — и не только призраков, но и демонов, добавила про себя Ду Сылинь.

— С детства она ела со мной постную пищу, поэтому её тело очень чистое, почти без примесей. Так сказал один мой старый друг, человек с великими познаниями, он даже подарил ей защитный амулет. — Старушка наблюдала за реакцией Ду Сылинь, но, не увидев перемен в выражении её лица, продолжила: — Но в последнее время я вижу, что Цинчжу становится всё хуже, а в прошлый раз, вернувшись, она сказала, что встретила тебя...

Ду Сылинь промолчала, но поняла, к чему клонит старушка.

— Я хочу, чтобы ты присматривала за ней, — наконец высказала свою просьбу бабушка.

— Причина? — Ду Сылинь приподняла бровь. Она не делала ничего без причины.

— Какая причина заставит тебя согласиться? — парировала старушка.

— Никакой, — холодно ответила Ду Сылинь. Они с Сяо Цинчжу чужие люди, с чего бы ей наживать себе проблем?

— Дитя, боюсь, времени у меня осталось немного. Родители Цинчжу погибли рано, ей пришлось заботиться обо мне, она столько натерпелась, я не хочу, чтобы она страдала снова, — голос старушки дрожал от искренности. — Я не могу доверять её никому другому. Соглашайся, и я выполню любое твоё условие.

— Мне ничего не нужно, — покачала головой Ду Сылинь. — Хочешь, чтобы Сяо Цинчжу было хорошо — живи до глубокой старости.

Неизвестно почему, но, услышав, как старушка говорит о своей близкой кончине, Ду Сылинь почувствовала укол в сердце.

— Если найдешь причину — приходи. А сейчас — нет, — бросила она на прощание.

Она шла вперед, заставляя себя не оглядываться. Ду Сылинь была очень добрым человеком, и вид одинокой старушки, провожающей её взглядом на перекрестке, не прибавлял ей радости. Вдалеке всё ещё звучал электронный плеер, а деревенские жители стекались к старому храму.

Старушка много говорила о достоинствах Сяо Цинчжу, и Ду Сылинь подумала, что у той действительно много лиц, а она видела лишь верхушку айсберга. Нежная, послушная, умная, рассудительная. Правда, кроме ума и щедрости, она ничего больше не заметила. Но Сяо Цинчжу действительно действовала решительно и щедро — в этом Ду Сылинь убедилась еще во время событий в Цзянью.

Когда она вернулась в город, еще было светло, но жара не спадала. Ду Сылинь бесцельно бродила по улицам и остановилась, увидев на большом экране лицо Ван Цзывэня из бизнес-центра Цзянью. Он выглядел жалко: растрепанный, с руками в наручниках, он отчаянно пытался увернуться от камер и вопросов репортеров.

В новостях сообщали, что Ван Цзывэнь подозревается в ряде коммерческих преступлений: тайных манипуляциях на фондовом рынке, подкупе чиновников. Его активы были заморожены, шло расследование.

Ду Сылинь подумала и позвонила Ду Сыяню, попросив узнать, нет ли каких-то подводных камней в деле Ван Цзывэня — с чего бы вдруг им так занялись?

Ду Сыянь согласился и перезвонил через двадцать минут. Всё было так, как и предполагала Ду Сылинь: Ван Цзывэня «сдали». Кто-то анонимно отправил в правительство коробку с неопровержимыми доказательствами его преступлений. При его связях он мог бы легко замять дело, но в этот раз из провинции прислали комиссию по борьбе с организованной преступностью. Ван Цзывэнь оказался «курицей, которую зарезали, чтобы напугать обезьян».

Его ждал пожизненный срок, если не смертная казнь.

Ду Сыянь сказал, что отправитель анонимен, следов не найти. Но Ду Сылинь была на девяносто процентов уверена, что тут замешана Сяо Цинчжу. Она мстила за Ци Цыци своими железными методами. Сяо Цинчжу оказалась решительной и жестокой — Ду Сылинь это усвоила.

Ду Сылинь терзали сомнения: Сяо Цинчжу ей никто, так почему же её так тянет разобрать эту девушку на части и понять до конца?

Она бродила по улицам, и призраки, завидев её, разлетались, как мыши от кошки. Ду Сылинь привыкла к этому. Она забрела к бизнес-центру Цзянью.

У входа в ту самую кофейню она замерла. Шумная музыка, крики — днем элегантное кафе ночью превратилось в бар. Она уже хотела уйти, как дверь открылась, и на неё навалилась пьяная женщина. Ду Сылинь ловко увернулась.

Взгляд её упал внутрь бара, и она застыла. На сцене, словно эльф ночи, танцевала женщина. Её сексуальная фигура, волны волос, рассыпанные по плечам... Она танцевала в такт музыке, и только Ду Сылинь заметила, что она плачет.

Словно под гипнозом, Ду Сылинь вошла в ненавистный ей шумный бар. Сев за стойку, она, не глядя на бармена, бросила:

— Свежего молока.

— Молока? — бармен посмотрел на неё странно. — Девушка, у нас не пускают несовершеннолетних.

— Оу, — отозвалась Ду Сылинь, даже не поняв, что «несовершеннолетняя» — это она.

— Так вы... — начал бармен.

— Я? Что? — Ду Сылинь обернулась и увидела, что бармен — женщина.

<http://bllate.org/book/20972/2128937>